

ЛАРИСА ЛЕМПЕРТЕНЕ
Вильнюсский университет

Традиционное еврейское образование в Литве*

В теориях о появлении евреев в Восточной Европе вообще и на польско-литовских землях в частности, строящихся на основании историографических и легендарных сведений (зачастую совпадающих в различных источниках), обычно указывается два пути их проникновения на эту территорию — из Причерноморья и Южной России и с Запада; значительная часть исследователей придерживается теорий “смешанного” пути [Weinrub 1962, 458–461¹]. Вполне вероятно, что евреи действительно расселились на территории Литвы в результате нескольких, различных по времени и направлению, миграционных волн, однако установить точно, когда это произошло, не представляется возможным. Первые письменные источники, свидетельствующие о проживании евреев на территории ВКЛ, — привилегии Витаутаса Великого евреям Бреста и Гродно, — датируются последовательно 1388 и 1389 годами [Бершадский 1883, 200–201]. Еврейская община Вильнюса возникла в XVI в.

Традиционное еврейское понятие *Lita*, или *Lite*² ‘еврейская Литва’ соответствует не этнографической Литве, а скорее территории Великого княжества Литовского; см., например, [Ben-Sasson 1973, 120]. В респонсах, хрониках, письмах и др. еврейских источниках часто встречается расширительное обозначение этого региона как *Polin* ‘Польша’; употребление последнего термина демонстрирует не столько неясность понятия для пишущих, сколько относительную общность религиозно-культурной традиции региона в их восприятии, для которого более точные определения не столь релевантны. Характерно, что попеременное употребление *Lite* и *Polin* находим как во внутрирегиональных источниках, так и в сочинениях авторов из

* Написание настоящей статьи оказалось возможным благодаря поддержке Memorial Foundation for Jewish Culture.

других стран. К XVIII в. определяется тенденция к употреблению как в точном, так и в расширительном смысле именно понятия *Lite*, что свидетельствует о возросшей роли литовской традиции законоучения. Научная историография XIX–XX вв. тяготеет к употреблению названия региона в соответствии с историко-политическими реалиями описываемого периода.

Содержание понятия *Lite* не изменилось и после прекращения существования ВкЛ, а также иных исторических и политико-географических изменений. Так, вильнюсское еврейство всегда считало себя принадлежащим к литовской общине. Ситуация осложнилась только в 30-е годы XX в., когда евреи независимой Литвы явно отождествляли себя именно с *Lite*, в то время как часть виленского еврейства — с *Polin*. Ориентация и самоидентификация большей части белорусского еврейства была отчетливо *литвакской*³ и т.д. Таким образом, понятие *Lite*, в конечном итоге, обозначало в еврейской традиции территорию, населенную *литваками*; на этой “еврейской карте” *Lite* подразделялась на регионы: *Zamet* (северная Литва, Жемайтя), собственно *Lite* (центральная Литва) и *Raisin* или *Raizen* (нынешняя Белоруссия)⁴. Понятие *Lite* в таком значении сохранялось до Второй мировой войны, приведшей к почти полному уничтожению литовского еврейства. До этого же времени здесь существовала и развивалась⁵ система традиционного образования детей и взрослых, наследовавшая системе, которая начала формироваться в Ашкеназе (еврейское название Западной, Центральной и Восточной Европы) со времен средневековья и которая в ВкЛ достигла уровня, прославившего *Lite*-Литву во всем еврейском мире.

“Наиболее типичной чертой митнагедного⁶ общества было его отношение к изучению Торы⁷ и знатокам Торы. Изучение Торы понималось в этом обществе как высшая ценность... <...> Образ мудреца Торы — *talmid-hakham* — воплощал в себе социальный идеал митнагедского литовского еврейства” [Etkes 1981, 208].

Путь к этому идеалу начинался с раннего детства. Домашнее и школьное обучение были обязательными у евреев с древнейших времен (возникновение первых школ относится к эллинистическому периоду). Исходя из важнейшего для еврейства правового кодекса Йосефа Каро и Моше Иссерлеса *Shulhan arukh* ‘Накрытый стол’ (XVI в.), обучение Торе мальчиков и мужчин было обязательным, для женщин же это считалось делом богоугодным, но добровольным.

Надзор за ситуацией начального образования осуществляла община, часто в лице членов специально избиравшегося “школьного

товарищества”. В каждом городе должны были быть учителя начальной школы — *хедера*, забота об этом также лежала на общине, хотя хедеры были частными школами, не финансировавшимися и даже не организовывавшимися общиной. Такая амбивалентность в статусе частных начальных школ, практически воспринимавшихся как общинные институты, объяснялась тем, что предоставление ребенку начального образования считалось моральной и религиозной *обязанностью* родителей и выходило за рамки индивидуального семейного вопроса.

Домашнее обучение мальчика начиналось в сущности с момента, когда он начинал говорить (обучение молитвам, приблизительно с трех лет — алфавиту). В 5–6 лет ребенка отправляли к учителю — *меламеду*, начинавшему обучение в хедере с чтения и понимания *Танаха*⁸, по преимуществу — Пятикнижия (на иврите, но с помощью перевода трудных мест на идиш) и важнейших комментариев к нему. Обучение в хедере было обязательным и продолжалось до 13 лет, при ежедневных занятиях, длившихся до 12 часов.

Хедеры были двух ступеней — базовые, с описанной выше программой, и талмудические, где с 10–11 лет осуществлялось первоначальное знакомство с Талмудом. Если родители не могли заплатить меламеду, дети учились в начальных школах для бедняков и сирот, содержавшихся за счет общины и называвшихся *талмуд-тора*⁹.

Уровень знаний учащихся начальных школ (а косвенно — и уровень подготовки меламедов) нередко проверялся представителями общины. “Вследствие этого едва ли не каждый член общины имел традиционное образование, и знания, полученные на этих первых этапах хедерного обучения, составляли основу национального и религиозного сознания всей общины. <...> Хедер был... отражением системы ценностей, на которой строилось всё еврейское общество” [Katz 1993, 162–163].

После хедера более способные и желающие учиться дальше подростки шли в религиозную академию — *ешиву*, занятия в которой были посвящены в основном изучению основополагающего труда по еврейскому праву — Талмуда, а также основных произведений раввинистической литературы, среди которых ведущее место занимали галахические кодексы¹⁰.

Желающих учиться в ешиве мальчиков было немало, и не только в силу стремления к интеллектуальному совершенствованию, но и потому, что престиж учености в еврейской среде был очень высок и абсолютно несравним с имущественным престижем. “Стабильность

высокого положения, которая нееврейской элите гарантировалась знатностью, еврейской элите гарантировалась ученостью. Среди богатых евреев, пользовавшихся благодаря своим деньгам властью в общине, существовала тенденция к получению других оснований для уважения, нежели просто обладание деньгами” [Штампфер 1993, 55]. К числу таких оснований относились распространенные попытки богачей заполучить в зятя талантливых (и чаще всего бедных) молодых талмудистов; таким образом создавалась прослойка всесторонне влиятельных людей, а раввины-знатоки Торы всегда принадлежали к социальной верхушке. Однако, по наблюдению Якова Каца, социальная стратификация в еврейском обществе не была жесткой, и общество в принципе оставалось открытым, так как для достижения знания в общем и целом достаточно было желания [Katz 1993, 176], этот путь к престижному социальному положению был особенно привлекательным для молодежи из бедных семей.

Социальный престиж учености подчеркивался самим устройством общинной жизни. Хорошо известна практика материальной поддержки или даже полного содержания выдающегося ученого с целью освобождения его от бремени забот о пропитании¹¹. Так, в постановлениях Литовского ваада¹² 1628 г. говорится: “Лицам, усидчиво занимающимся изучением Торы и не покидающим шатра для занятий торговлей, следует облегчать податное бремя, а не отягощать. <...> Людей семейных, изучающих Тору и живущих на хлебах у своего отца или тестя, не следует из-за этого облагать большим налогом...” [Дубнов 1912, пар. 198–199, с. 107–108; см. также пар. 232–233 постановлений Ваада 1631 г., с. 128].

По этим причинам даже малоимущие родители часто стремились дать способному ребенку возможность учиться в ешиве, вместо того чтобы сразу после хедера привлекать его к зарабатыванию средств на жизнь, что нередко бывало для отцов-бедняков моральной компенсацией за не продолженное из-за нужды собственное образование. Но поскольку обучение в ешиве все же не было обязательным, то “в каждом городе было столько... хедеров, сколько того требовало число мальчиков школьного возраста; ешивы же существовали только в городе, имевшем ученого раввина, ...и лишь в очень крупных центрах... встречались по две-три ешивы” [Дубнов 1914, 321].

Ответственность за ешиву и вообще регулярное обучение молодежи Торе, как и за уровень ее знаний, нес, как правило, раввин общины, который и возглавлял ешиву. Однако в больших общинах, где существовало несколько ешив, лишь одна из них возглавлялась

общинным раввином. Глава ешивы должен был и преподавать в ней. Конечно, при этом он сам должен был быть образцом религиозной учености, и часто на занятия выдающегося учителя собирались не только студенты ешивы, но и знатоки Торы из всей общины. Поскольку ученики ешив часто кочевали из одной ешивы в другую, репутация главы ешивы быстро распространялась, и если она была высокой, число учащихся возрастало за счет множества приезжих; они даже, как правило, составляли духовный центр определенной ешивы, так как сам факт их обучения здесь, а не в другом месте объяснялся причинами чисто интеллектуального характера — стремлением заниматься под руководством раввина, сообщавшего ешиве престиж и статус. Хаим Бен-Сассон утверждает, что в XVI–XVII вв. в Польше–Литве наиболее почетным из всех титулов раввина был титул *глава ешивы*, см. [Ben-Sasson 1959, 164]. Ешива и ее глава занимали центральное место в социальном устройстве общины.

Однако к XIX в. тип ешивы, возглавляемой общинным раввином, в Литве практически исчез, сменившись типом независимой от общины, прежде всего в материальном отношении, институции, возглавляемой независимым авторитетом, полностью посвящающим себя делу руководства ешивой и преподаванию в ней; первым и ярчайшим примером этого типа является Воложинская ешива, которой далее будет уделено особое внимание.

Срок обучения в ешиве был практически неограниченным, и в одной и той же ешиве наряду с недавними выпускниками хедера порою учились взрослые, иногда даже семейные люди. Упомянутый выше кодекс *Shulhan arukh* (часть *Yore dea* ‘Высказывающий мнение’, разд. 243–3) повторяет и развивает слова Маймонида: “До какого времени человек должен учиться? До самой смерти, как сказано: *Да не изгладятся эти слова из твоего сердца во все дни твоей жизни* (Втор 4.9)” Впрочем, для женатых мужчин существовала другая форма дополнительного изучения Торы и Талмуда — так называемый *коллель*, в котором они учились после рабочего дня. Для такого обучения не нужно было оставлять семью и ехать в город, где была ешива, так как коллели, наряду с *батей-мидраш*¹³ — домами учения и молитвы для людей, не посвятивших себя полностью учености, — во множестве существовали даже в местечках¹⁴. Кроме того, с XVII в. при синагогах стали организовываться добровольные учебные группы — так называемые *хеврот*, букв. ‘общества’ — для углубленного изучения тех или иных текстов: Торы, Мишны, Псалмов, отдельных произведений раввинистической литературы.

Существенную роль в религиозном образовании играли синагогальные проповеди и узаконенное в первые века после разрушения 2-го Храма (70-й г. н.э.) публичное чтение в синагоге трижды в неделю Пятикнижия и Пророков, дополняемое праздничными чтениями отдельных книг и фрагментов Танаха, так что синагога с самого детства являлась для еврея “вспомогательной образовательной институцией” [Katz 1993, 158].

Все это были формы продолжения образования для взрослых “без отрыва” от обыденной, семейной жизни; обучение при этом, как и в ешиве, сочеталось с молитвой и всем комплексом религиозных практик. Как сообщает Лейзер Ран [1987, 11], в Вильне во второй пол. XIX в. было 250 синагог и *миньянов* — молитвенных групп¹⁵; значит, помимо ешив и колелей, к этому времени у взрослых мужчин Вильна существовал немалый выбор возможностей хотя бы отрывочно, время от времени, учиться.

Но систематическое религиозное образование могло быть получено, разумеется, лишь в ешиве. За тем, чтобы число ешив в городах и городках Литвы, где были еврейские общины, не уменьшалось, чтобы общины не переставали содержать ешивы и чтобы ешивы были обеспечены необходимыми книгами, следил Литовский ваад, также принимавший постановления и по поводу начального обучения¹⁶.

Основным критерием образованности в системе традиционных еврейских ценностей считалась способность к самостоятельной работе с текстами; такая работа у признанных авторитетов продолжалась буквально до конца жизни. По этой причине основной формой занятий в ешиве, несмотря на наличие порою выдающихся преподавателей и на своеобразии их уроков, была самостоятельная работа с текстами Талмуда и комментариями к нему; именно поэтому продолжение учебы в ешиве представлялось желанным вариантом и реальной возможностью лишь для тех подростков, которые уже в талмудическом хедере продемонстрировали способность и вкус к самостоятельному исследованию текстов. Как подчеркивает Ш. Штампфер, говоря о Воложинской ешиве, ешива была местом с приоритетом “(самостоятельного) изучения над преподаванием” [Stampfer 1995, 96]. Ежедневный урок главы ешивы по Талмуду, являвшийся правилом в большинстве ешив, чаще всего не был строго обязательным для посещения; те же, кто приходили на него, свободно дискутировали с преподавателем, задавали ему *кушиёт* — проблемные вопросы по тексту. “В этой системе заинтересованного внимания удостаивался не хороший ответ, а как раз затруднительный вопрос, обращенный к

ведущему урок <...> Успех ученика измерялся <...> его способностью опровергнуть слова учителя” [ibid, 106–107]. Подобные занятия нимало не напоминали лекции или иной вид авторитарного, “фронтального” преподавания.

Характерно, что даже в тяжелые для общин в материальном отношении времена внимание Ваада к образованию не уменьшалось, оно, напротив, возрастало, и об этом свидетельствует, например, постановление Ваада 1652 г.: “...Многие общины, в которых есть раввины, не содержат (ешивы для обучения — Л.Л.) юношей и отроков; некоторые общины, приглашая раввина, ставят ему условием держать возможно меньшую ешиву; некоторые же общины заключают с раввином условие, чтобы вовсе не держать ешивы. Так поступать непристойно, ибо этим подрывается учение Торы...” [Дубнов 1912, пар. 484, с. 279].

Основа талмудического образования подлинно широких кругов еврейской молодежи Литвы была заложена благодаря созданию учениками и последователями Виленского Гаона ряда ешив в XIX–нач. XX вв. Первую из них, названную *Etz hayim* ‘Древо жизни’¹⁷, основал в Воложине в 1802 г. ученик Гаона Хаим из Воложина. Эта ешива, отличавшаяся высоким уровнем обучения и новаторским, основанным на методах Гаона, подходом к изучению текстов, играла решающую роль в духовной жизни евреев Литвы и России на протяжении почти столетия, притягивая своей престижностью и заслуженно высокой репутацией талантливую молодежь. Во времена Хаима в ней училось до 300 юношей, что было необыкновенно много для ашкеназской ешивы той эпохи. При этом ешива была полностью экономически независима от общины Воложина, существуя на средства, собиравшиеся системой эмиссаров по всей Литве и за ее пределами, и на даяния меценатов¹⁸. Это было абсолютным организационно-идеологическим новшеством по сравнению с традиционной системой обеспечения ешив общинами, упоминавшейся выше. Экономическая независимость делала ешиву независимой от общины и общинного раввина также и во всех остальных отношениях, а ее высокий престиж повышал и статус общины. Такой Воложинская ешива осталась и при других руководителях, до самого своего закрытия.

В своей книге *Nefesh Ha-hayim* ‘Дыхание жизни’¹⁹ Хаим Воложинский писал: “Если бы во всем мире, от края до края, хоть на минуту прекратилось бы изучение Торы и наши попытки постижения ее, тут же разрушились бы миры верхние и нижние, и всё вернулось бы в хаос (не дай Бог)...” [4–11]. Для него это была не метафора, а твердое убеждение, и он сделал учебный процесс в ешиве почти непрерывным,

там учились буквально день и ночь (ночь была разбита на “учебные стражи” по 4 ч., одни учащиеся уходили спать, другие приходили заниматься), а также в субботы и в праздники. Эта традиция сохранялась в ешиве и после смерти рабби Хаима. В духе указаний Виленского Гаона, в Воложинской ешиве Талмуд изучали полностью, а не избранными трактатами, как было повсеместно принято в то время. Хаим предписывал своим ученикам изучать Мишну и Талмуд с комментариями Гаона, см. [Asaf 1947 I, 167]. Основной чертой метода обучения в Воложине было исследование глубин текста в поисках *правильного понимания*, которое, по мнению рабби Хаима, лежало в области прямого смысла. Как писал Хаим своему внуку, “главное — держаться прямого рассуждения; а от того, что не ведет прямо к истине Торы, будь оно даже весьма отточенным, — отдались” [цит. по: Nerya 1964, 54]. Эти убеждения Хаима определили академическую идеологию основанной им ешивы, а позже — и принципы обучения в большинстве литовских ешив.

Интенсивность и качество обучения сделали ешиву *Etz hayim* высокопрестижной, и она оставалась таковой до самого своего закрытия в 1892 г. Ее деятельность повлияла на общий интеллектуальный климат в Литве. Рабби Йосеф из Крынок, учившийся у Хаима Воложинского, писал в 1865 г.: “...Священные книги, к примеру, трактаты Талмуда, были редкостью, и найти их можно было лишь в отдельных домах богатых и ученых людей. Даже в больших городах в домах учения нельзя было найти полный Талмуд — всё потому, что не было нужды в этих книгах, ведь их не изучали. Когда наш святой рабби (Хаим Воложинский — Л.Л.) основал ешиву, потребовались многие экземпляры Талмуда, и пришлось отправить людей в большие города, чтобы собрать тома Талмуда для студентов ешивы. Когда рабби из Славуты²⁰ увидел, что есть потребность в изданиях Талмуда, он отпечатал сотни комплектов... В первый год существования ешивы я обратил внимание, что многие купцы специально делали крюк, чтобы попасть в Воложин и посмотреть, что такое эта ешива... При виде десятков выдающихся знатоков Учения, занимающихся днем и ночью с отменным прилежанием, они были потрясены и поражены, поскольку никогда не видели и не представляли ничего подобного...” [цит. по: Shmukler 1909, 33]. Воложинская ешива стала прототипом, а по мере распространения ее славы — и символом литвакской учености.

Прославились также ешивы Мира (основана в 1815 г.), Тельшый (“Великая Тельшыйская ешива” основана в 1875 г.), Слободки-Вилиямполе (самая известная из ее ешив — *Kenesset Yisrael* ‘Собрание Израиль’²¹ — основана в 1863 г.), Радуни (1869 г.), Паневежиса (1909 г.),

Слуцка (90-е гг. XIX в.), Новогрудка (1896 г.), Лиды (1894 г.), Кельме (ок. 1870 г.), а также Кедайнай, Укмерге, Рокишкиса, Биржай, Шядувь, Жагаре и других городов и местечек.

Как уже упоминалось, по старой ашкеназской традиции студенты странствовали от ешивы к ешиве, и по этой причине в литовских ешивах значительную часть учащихся составляла неместная молодежь. Дополнительной причиной такого положения вещей была чрезвычайная привлекательность и высокая репутация литовских ешив для еврейских общин всей Европы. "...Литовские ешивы обслуживали не только общины (местечек — Л.Л.), в которых находились. В действительности, из этих городов и деревень были привлечены лишь немногие из учащихся. Три из четырех сотен студентов каждой из этих ешив прибывали из всей Польши, Украины, России и (ее) самых дальних уголков... включая Кавказ и Сибирь. Более того, учащиеся приезжали из более далеких краев, даже из-за океана" [Alon 1970, 450].

Результатом довольно разветвленной системы образовательных институций и высокого престижа учености явилось то, что общий уровень образованности, не говоря уж об обычной грамотности, еврейского населения ВкЛ был очень высок. В XVI–XVII вв. он, во всяком случае, был значительно выше среднего уровня образованности иных этноконфессиональных групп, см. [Дубнов 1914, 334–335], хотя, разумеется, образованность эта была специфической — в большинстве случаев она соотносилась лишь с классическими еврейскими текстами и еврейскими языками, не коррелируя с европейскими стандартами образованности. (Преподавание в некоторых хедерах начал арифметики и домашнее обучение некоторыми богатыми евреями своих детей в XVII–XVIII вв. французскому языку были немногочисленными отступлениями от правила). Не слишком большим преувеличением являлась нарисованная в знаменитой хронике Натана Ганновера *Yeven metzula* 'Трясина' (XVII в.) картина, согласно которой в Литве "почти не было дома... где бы не изучали Тору: либо сам хозяин дома был ученым, либо сын или зять его занимались учением, либо же бахур (учащийся ешивы — Л.Л.) из питавшихся за его столом. Иногда было и так, что все они в одном доме исполняли это..." [Боровой 1997, 131].

Даже женщины, в абсолютном большинстве не учившиеся ивриту, были активными читательницами книг на идиш, среди которых преобладали переводы текстов Писания²² и избранных материалов из Талмуда²³, а также назидательно-моралистические сочинения, как оригинально-идишские, так и переведенные с иврита. Существовали также сборники молитв на идиш, так называемых *техинот*, тексты

которых дополняли обычный молитвенник на иврите, так что у женщин, посещавших синагогу лишь по праздникам, была возможность молиться, и большинство женщин были грамотны настолько, чтобы этой возможностью пользоваться. Примечательно, что многие тексты техинот были составлены женщинами; они являются не переводами канонических литургических текстов с иврита, а самостоятельными лирическими произведениями, или, как их называет С. Дубнов, “вольными молитвами”.

Мощная система религиозного образования, основные черты которой описаны в данной статье, была одним из ведущих факторов, формировавших особенности культуры литваков, которые вплоть до Второй мировой войны были “наименее аккультурированным еврейством во всей Восточной Европе” [Mendelsohn 1987, 215].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Классические еврейские тексты и произведения раввинистической литературы цитируются в данной статье принятым в еврейской традиции и работах по пудайке способом — с указанием разделов (глав, стихов и т.д.) и без ссылки на определенное издание. Все цитаты из нерусскоязычных источников, классических либо научных — в переводе автора статьи.

² Первый вариант произношения — на иврите; второй, более распространенный — на идиш.

³ *Литваки* — традиционное название и самоназвание литовских евреев. Примерно с XVII в. понятие литвака ассоциируется со специфическим интегральным духовно-психологическим образом, в котором наблюдателями и исследователями подчеркнуто выделяются высокая степень интеллектуальности и преданность изучению традиционных текстов.

⁴ Пользуюсь случаем искренне поблагодарить профессора Довида Каца за сведения и консультации по данному вопросу.

⁵ В этом развитии происходили неизбежные изменения, обусловленные историческими и социальными причинами; главным из таких изменений была зарождавшаяся во 2-й половине XIX в. и расцветшая в XX в., особенно в межвоенный период, система светского образования. Однако ее анализ выходит за рамки настоящей статьи.

⁶ *Митнагеды* ивр. ‘возражающие, несогласные’ — ортодоксальная часть литовского еврейства, находившаяся в оппозиции к хасидизму, религиозно-мистическому движению, возникшему и широко распространившемуся в XVIII в. в Восточной Европе. Главным и первоначальным фактором противодействия хасидизму в Литве было резко отрицательное отношение к этому движению Виленского Гаона (1720–1797).

⁷ *Tora* ивр. ‘Учение’ — в узком смысле — Пятикнижие Моисеево, в широком — еврейская Библия, в расширительном и наиболее часто употребляемом — вся традиционная еврейская литература, объединяющая Писание и труды по его интерпретации, создававшиеся с начала нашей эры.

⁸ Еврейская Библия; аббревиатура трех ивритских слов — *Tora* (Пятикнижие), *Neviim* (Пророки) и *Ketuvim* (Писания).

⁹ Об альтернативных методах предоставления общинной начального образования детям немущих см. [Katz 1993, 160].

¹⁰ *Галаха* ивр. букв. 'путь' — еврейское религиозное право. Галахические кодексы и другие галахические труды составляют значительнейшую часть традиционной еврейской литературы.

¹¹ Характерный пример — Виленский Гаон, находившийся на содержании общины Вильны и освобожденный от каких бы то ни было общественных обязанностей. Следует, однако, помнить, что материальная помощь общины лишь поддерживала ученого, а не обогащала его; учепые — зятья богачей находились, безусловно, в иной ситуации. Люди прагматических занятий в огромном большинстве случаев были в лучшем материальном положении, чем посвятившие себя учению, — даже в Литве, где еврейская община в целом со 2-й половины XVII в. была чрезвычайно бедна из-за последствий хмельниччины.

¹² *Литовский ваад* — возникший в 1623 г. центральный орган автономного еврейского общинного самоуправления в ВкЛ (существовал до 1764 г.).

¹³ Мн. число от *бейт-мидраш* — ивр. букв. 'дом учения'.

¹⁴ Однако в конце 70-х гг. XIX в. в Каунасе по инициативе знаменитого каунасского раввина Ицхака Эльханана Спектора (1817–1896) и основателя морально-этического движения "муссар" Исроэля Салантера (1810–1833) был открыт большой коллель для иногородних студентов — *Kollel ha-perushim* 'Коллель отшельников' (т.е. людей, преданных исключительно учению), что свидетельствует о нехватке таких учебных заведений в небольших городках.

¹⁵ Из них около ста маленьких синагог и *клайзов* (идишский эквивалент названия *бейт-мидраш*) назывались по различным ремеслам — клайзы пекарей (отдельно черного и белого хлеба), плотников, кожевников, стекольщиков, дровосеков, могильщиков, подмастерьев, портных и пр., т.е. служили местом учения и молитвы для различных профессиональных объединений, см., напр., [Lunski 1921, 48].

¹⁶ См., напр., постановление Ваада 1639 г. [Дубнов 1912, пар. 351–355, с. 191–194; 1662 г. — пар. 528, с. 313, etc.].

¹⁷ Как в названиях еврейских книг обыгрываются имена их авторов, так в названии Воложинской ешивы запечатлено имя ее создателя — *Хаима*. Однако в этом названии содержатся гораздо более важные пласты значений. Это отсылка к библейскому древу жизни (Быт. 2.9); в еврейской традиции 'древо жизни' — это еще и название Торы — представление, источник которого в Притчах (3.18): "Древо жизни она для придерживающихся ее, и сторонник ее счастлив". Этот стих был излюбленной цитатой Хаима Воложинского. Ср. с высказыванием Виленского Гаона: "Прежде всего остального должен постичь человек, что наша Тора — это наша жизнь, и так же, как рыбы живут в воде и погибают, будучи ее лишены, человек, лишенный Торы хоть на мгновение, тут же уподобляется мертвому..." (Вступление к книге *Dikdukei ha-tora*).

¹⁸ В первый период существования ешивы рабби Ханм содержал ее на собственные средства.

¹⁹ Второй смысл названия — "Душа Хаима"; здесь традиционно обыгрывается имя автора.

²⁰ Город на Волыни, один из центров еврейского книгопечатания в XVIII–первой половине XX вв.

²¹ Дополнительный смысл названия — обыгрывание имени основателя движения "муссар" Исроэля Салантера.

²² Речь идет прежде всего о книге Яакова бен Ицхака Ашкенази *Tseena u-reena* ('Пойдите и узрите', 1616 (?) г.; название представляет собой цитату из Песни песней 3.11), являющуюся вольным переводом Пятикнижия с многочисленными гомилетическими прибавлениями и необыкновенно популярную, особенно среди женщин,

а потому часто называвшуюся в народе “женской Библией”. Книга выдержала не менее 210 изданий. Об авторе известно, что он жил в XVII в. в местечке Янов, скорее всего, на территории ВКЛ.

²³ В частности, *Mayse-bukh* ‘Книга историй’, издана в 1602 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бершадский С., 1883: *Литовские евреи: 1388–1569*. Санкт-Петербург.
- Боровой С. (ред.), 1997: *Еврейские хроники XVII столетия. (Эпоха “хмельниччины”)*. Москва–Иерусалим.
- Дубнов С. (ред.), 1912: *Областной пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы*, т. I. Санкт-Петербург.
- Дубнов С., 1914: Внутренний быт евреев Польши и Литвы в XVI в., in *История еврейского народа*, т. 11: *История евреев в России*, I. Москва.
- Штампер Ш., 1993: Хедерное образование, знание Торы и поддержание социального расслоения в традиционном еврейском обществе восточно-европейской диаспоры, *Еврейская школа*, 1.
- Alon G., 1970: The Lithuanian Yeshivas, in Goldin J. (ed.), *The Jewish Expression*. New York.
- Asaf S., 1947: *Mekorot letoldot ha-hinukh be-yisrael*. I–IV. Tel-Aviv.
- Ben-Sasson H., 1959: *Hagut ve-hanhaga*. Yerushalayim.
- Ben-Sasson H., 1973: Lithuania — the Structure and Trends of Its Culture, in Rabinowitz L. (ed.), *Encyclopaedia Judaica Year Book*, 1973. Jerusalem.
- Etkes E., 1981: Rabbi Israel Salanter and His Psychology of Mussar, in Green A. (ed.), *The Jewish Spirituality*. New York.
- Katz J., 1993: *Tradition and Crisis: Jewish Society at the End of the Middle Ages*. New York.
- Lunski Ch., 1921: *Me-ha-geto ha-vilna 'i*. Vilne.
- Mendelsohn E., 1987: *The Jews of East Central Europe Between the World Wars*. Bloomington.
- Nerya M., 1964: *Pirkei Volozhin*. Yerushalayim.
- Ran L., 1987: *Vilna, Jerusalem of Lithuania. The Fourth Annual Avrom-Nokhem Stencl Lecture in Yiddish Studies*. Oxford.
- Shmukler M., 1909: *Toldot rabbenu hayim mi-volozhin*. Vilna.
- Stampfer Sh., 1995: *Ha-yeshiva ha-litait behitpatkhuta*. Yerushalayim.
- Weinryb B., 1962: The Beginning of East-European Jewry in Legend and Historiography, in Ben-Horin M., Weinryb B., Zeitlin S. (eds.), *Studies and Essays in Honor of Abraham A. Neuman*. Leiden.

LARISA LEMPRTIENĖ

Traditional Jewish education in Lithuania

The article gives a description of the traditional system of Jewish religious education in Lithuania. This system is a continuation and further development of the system which was created and shaped in Ashkenaz (the Hebrew name for West, Central and East Europe) from the Middle Ages onward. Lithuania was renowned for its Jewish scholars and educational institutions. The article contains a survey of traditional forms of Jewish education for young children, teenagers and adults, as well as of the opportunities for individuals to enrich and improve their knowledge without attending any specific academic/religious institution. The main feature of traditional Jewish life in Lithuania was that most males were not only literate, but also very well acquainted with Jewish classical texts, because knowledge conferred far more prestige than a high material standard of living. Even women were usually educated, although not to the extent that was usual for men.

The article deals specifically with the most renowned form of Jewish education in Lithuania, the yeshiva (religious academy). A number of Lithuanian yeshivas were famous all over the world, especially in the 19th and early 20th centuries. Foremost among these was the famous Volozhin Yeshiva 'Etz hayim', founded in 1802 by Rabbi Hayim from Volozhin, a disciple of the Vilna Gaon. This and other Lithuanian yeshivas became a symbol of Lithuanian Jewish scholarship because of their high academic reputation and the authority of their founders and staff; they attracted students not only from Lithuania itself, but also from other countries.